

ПОРЯДОК И СВОБОДА
(зависимость между
теневыми установками
и политическими предпочтениями)

Наше исследование лишний раз подтвердило известную истину, согласно которой экономические и политические установки друг с другом не совпадают: между ними существует определенная зависимость, они могут взаимопересекаться и взаимопереплетаться, но – не взаимонакладываться. Так, среди голосующих за коммунистов доля людей, которые имеют или хотели бы иметь собственный бизнес, в два с лишним раза меньше, чем среди сторонников “Яблока” (соответственно 14 и 31%). Это значит, что между установкой на экономическую инициативу и политическими предпочтениями некоторая зависимость действительно существует. Но – не более того: ведь далеко не все избиратели “Яблока” и даже не их большинство – реальные или потенциальные бизнесмены, равно как и не всем сторонникам компартии чужд предпринимательский дух. Поэтому и отношение различных электоральных групп к коррупции и теневой экономике есть смысл рассмотреть отдельно; это – самостоятельный и относительно автономный исследовательский сюжет.

Этот сюжет тоже закладывался нами в программу социологического опроса. Мы не могли его обойти уже потому, что ко времени проведения исследования накопилось немало фактов, свидетельствовавших о том, что многие люди демонстрируют очевидную склонность голосовать за кандидатуры теневых предпринимателей и криминальных авторитетов, а лидеры политических объединений обнаруживают готовность предоста-

вить теневицам места в партийных списках. Между тем связь между теневыми или антитеневыми установками избирателей и их поведением на выборах практически не привлекала внимания социологов, и мы хотели хоть в какой-то степени этот пробел восполнить.

Поэтому в анкету был включен и вопрос о предполагаемом голосовании респондентов на президентских выборах. Полученная информация позволяет показать, как реагируют на криминально-теневую составляющую современной российской жизни избиратели той или иной политической ориентации и, что еще важнее, как выбор этой ориентации соотносится с отношением к коррупции и теневой деятельности.

Однако прежде, чем приступить к изложению результатов опроса, мы должны сделать два предварительных замечания. Первое из них обусловлено временем его проведения и той расстановкой политических сил и фигур, которая имела тогда место на российской политической сцене. Дело в том, что в начале августа 1999 года на ней еще не было Путина, отобравшего вскоре у большинства других претендентов почти всех избирателей, что позволило ему уверенно выиграть президентские выборы. Но это не должно нас смущать. Более того, именно это, как ни покажется странным, дает возможность лучше понять особенности поддержавшего Путина (и продолжавшего поддерживать его после выборов) электорального большинства как большинства внутренне глубоко *дифференцированного*, ментально не однородного.

Новый президент шел на выборы под лозунгом наведения порядка, установления “диктатуры закона”. Политическая решимость, проявленная им в ходе второй чеченской войны, позволила ему стать персонифицированным воплощением идеи порядка в глазах преобладающей части российского общества и в кратчайший срок консолидировать ее вокруг своей фигуры. Эта консолидация перекрыла прежние довоенные размежевания и расколы, как бы надстроилась над ними. Но ведь избиратели, переметнувшиеся от других лидеров к Путину,

остались прежними и разными. И эта их неоднородность скорее всего будет обнаруживать себя по мере того, как станут проявляться контуры того порядка, который намерен установить в стране (а не только в Чечне, умиротворить которую все еще не удалось) ее новый лидер.

В сложившейся после ухода Ельцина ситуации упорядочивание в значительной степени равнозначно наступлению на коррупцию и теневую экономику. И чтобы прогнозировать возможную реакцию на такое наступление разных слоев населения, совсем нелишне присмотреться к восприятию этих явлений людьми, которые во время нашего опроса собирались голосовать за Е. Примакова, Ю. Лужкова, С. Степашина, А. Лебеда и других лидеров, а потом влились в электорат Путина. Как политические деятели, способные претендовать на высший государственный пост, эти фигуры скорее всего принадлежат прошлому, но умонастроения их бывших сторонников могут сказаться и в будущем. Поэтому мы и склонны считать информацию, с которой познакомим читателя в данном разделе, не устаревшей, а реально и потенциально актуальной.

Второе предварительное замечание касается характера изложения полученных в ходе опроса данных. Мы не видим необходимости в той степени детализации, к которой прибегали в предыдущем разделе, – в данном случае достаточно зафиксировать основные тенденции и зависимости между политическими ориентациями россиян и их отношением к коррупционно-теневым связям. Мы ограничимся несколькими количественными показателями, которые позволят нам в самом общем виде показать, как в представлениях наших сограждан, принадлежавших во время опроса к разным электоральным группам, популярная сегодня идея порядка сочетается с идеей экономической свободы, в том числе неупорядоченной свободы теневой деятельности. Тут мыслимы следующие позиции:

1) неупорядоченная свобода, включающая и свободу теневой деятельности, – это хорошо, ее надо сохранить как можно дольше;

2) неупорядоченная свобода – это плохо, но пока порядок не наведен, к ней надо приспособливаться, используя ее с максимальной выгодой;

3) свободу надо упорядочить, приведя жизнь в соответствие с уже существующими законодательными нормами;

4) свободу надо упорядочить, сузив легальное пространство ее проявления;

5) свободу надо упорядочить, расширив легальное пространство ее проявления.

Определить в разных электоральных группах круг людей, придерживающихся первых двух позиций, нам помогут ответы на вопросы анкеты, касающиеся готовности голосовать на выборах за криминального кандидата, лично соучаствовать в корпоративном бизнесе теневиков, а также отношения к неплательщикам налогов и хождению “черного нала”. Три другие позиции представлены в вариантах ответа на вопрос о наиболее эффективных способах борьбы с коррупцией и теневой экономикой (ужесточение контроля за соблюдением действующих законов; переход к чрезвычайному законодательству и диктатуре; смягчение законов ради создания благоприятных условий для развития легального предпринимательства). Информацию, содержащуюся в ответах на другие вопросы анкеты, мы можем без большого ущерба для понимания интересующих нас зависимостей опустить.

Вместе с тем тема этого раздела понуждает нас сделать предметом исследования сюжет, который в предыдущем разделе мы не рассматривали. Нам важно было понять, насколько люди, собиравшиеся во время проведения нашего опроса голосовать за того или иного политика, надеялись, что именно он, став президентом, сумеет лучше других справиться с коррупцией, теневой экономикой и организованной преступностью. Если считали, что справится, значит, сама проблема их тревожит и их политические предпочтения диктовались заботой о наведении порядка; если нет, то это равносильно признанию, что постсоветская неупорядоченность либо их вполне устраивает,

либо они не верят, что она преодолима, и намеревались голосовать, руководствуясь какими-то другими мотивами. Такой вопрос в анкету был включен, и ответы на него, на наш взгляд, представляют интерес и после того, как выборы состоялись и в Кремле появился новый хозяин. Потому что, повторим, умонастроения избирателей, отошедших от других политиков к Путину, остались прежними.

Итак, чем же отличалось в августе 1999 года восприятие теневых отношений людьми разных политических ориентаций? Чтобы четче и рельефнее представить основные тенденции, мы решили не описывать подробно каждую электоральную группу, а выделили четыре основные категории избирателей: ультраправые (националисты), правые, левые, а также те, кто не похож ни на первых, ни на вторых, ни на третьих и кого мы назвали сторонниками генеральского порядка. При этом правые и левые не всегда выделялись нами на основании того, к какому крылу относили себя те или иные политики и в какие союзы друг с другом вступали. К правым мы причислили всех, кто в оценках криминально-теневых отношений был близок к сторонникам С. Кириенко, а к левым – примыкавших к избирателям Г. Зюганова¹.

И последнее. Принимая во внимание, что после проведения опроса прошло сравнительно немного времени и что нас интересует прежде всего электорат Путина, сформировавшийся из бывших сторонников других лидеров и охватывающий почти весь *современный* некоммунистический сегмент российского общества, мы – ради удобства изложения – будем рассказывать о различных электоральных группах не в прошедшем, а в настоящем времени, – даже в тех случаях, когда группы эти уже распались.

¹ Учитывая, что численность респондентов в трех электоральных группах из восьми, анализируемых в статье, во время опроса не достигала статистически значимой нормы, мы избегали фиксировать обнаруженные в этих группах тенденции в процентных показателях. Вместе с тем группы эти достаточно представительны, чтобы судить о самих тенденциях.

Ультраправые

Принято считать, что правая часть российского общества порвала с коммунизмом полностью и окончательно, а левая все еще живет ностальгическими воспоминаниями. Это не совсем так. Любой общественный порядок имеет официальную и теневую составляющие, свою объявленную норму и свои отклонения от нее. Мы исходили из гипотетического предположения, что от коммунистических времен левые унаследовали норму, а правые – отклонения от нее, но, в конечном счете, и те, и другие – продукты распада советского прошлого независимо от того, сколько лет они в нем прожили и как к нему относятся.

Теневым соблазнам, судя по нашим данным, больше всех подвержены ультраправые, самым заметным политическим представителем которых во время проведения опроса был В. Жириновский. Они молоды, энергичны, лучше многих других приспособляются к жизни. Среди них почти нет людей с вузовскими дипломами, но и не имеющих аттестата об окончании средней школы тоже сравнительно немного. Живут в основном в провинции, причем не столько в деревне, сколько в небольших городах. По всем социологическим опросам (наш – не исключение) в их среде самый значительный процент националистов, ставящих интересы русских выше интересов других российских народов. Полученная нами информация дает основания предположить, что их социальный идеал – это брежневский “развитой социализм” (в его теневой ипостаси), приспособленный к рыночным условиям и устраняющий конкуренцию со стороны “иностранцев”.

Больше половины жириновцев (самый высокий показатель среди всех электоральных групп) готовы отдать свои голоса на выборах криминальному кандидату, между тем как принципиально отказывающихся голосовать за него не набирается и четверти. Почти каждый второй заявляет о своем желании лично соучаствовать – вместе с производственным начальством –

в теневом бизнесе, а о нежелании – лишь один из четырех. Важная деталь: ультраправые благосклонно относятся прежде всего к таким нелегальным отношениям и связям, которые создаются совместно с руководством и под его покровительством, а не в обход его. В их глазах теневой бизнес допустим и желателен в первую очередь постольку, поскольку он становится нормой жизни властных и производственных корпораций, охватывая и верхи, и низы общества, взаимопопустительствующие друг другу.

Лидеру ЛДПР, включившему перед парламентскими выборами в свой избирательный список людей с криминальной репутацией, в пронизательности не откажешь: он понимал, с кем имеет дело и чего ждут от него его избиратели. Мечта большинства жириновцев – упорядоченный и управляемый всенародный криминал, введенный в институциональное русло, а не криминал индивидуальный, стихийный и “дикий”, корпоративными связями не опосредованный. К последнему они относятся явно настороженно, о чем можно судить по их восприятию индивидуальных рядовых неплательщиков налогов: не одобряет такое поведение почти половина жириновцев (больше – только среди сторонников Зюганова). И наоборот, когда речь заходит о сокрытии доходов под патронажем руководителей, ультраправые демонстрируют чрезвычайно высокую терпимость: скажем, процент тех, кто осуждает выплату денег в обход платежной ведомости, в их рядах наименьший, а доля тех, кто одобряет или относится “с пониманием” (она приближается к двум третям), – одна из самых значительных.

Все это не означает, что российские ультраправые вообще против борьбы с коррупцией и теневым бизнесом. Почти каждый второй среди них верит, что именно их лидер справится с данной проблемой лучше других. Не исключено, что они как раз и имеют в виду такую борьбу с криминалом, которая направлена в первую очередь против “иностранцев” и отщепенцев-индивидуалистов. Если так, то это говорит об ориентации на избирательное применение юридических санкций к “чужим”,

или “чуждым”, и организацию жизни “по понятиям” для всех остальных (“своих”, или “социально близких”).

Аналогичное предположение правомерно и в отношении средств, которые жириновцы считают нужными в данном случае использовать: примерно каждый третий из них делает упор на контроль за соблюдением существующих законов (очевидно, “иногородцами” и отщепенцами), каждый четвертый – на диктаторскую власть (предполагается, наверное, что она будет подавлять не их, а других) и столько же – на либерализацию бизнеса (надо полагать, с выгодой для себя и себе подобных и с ущербом для всех прочих). Интересно, что в этом отношении сторонники Жириновского раздроблены больше, чем кто бы то ни было, – лишнее подтверждение того, что консолидирует их не идея утверждения равной для всех законности, а идея неравенства (прежде всего этнического) в беззаконии.

Правые

А теперь посмотрим на ту часть населения, которая в дни нашего опроса выражала поддержку С. Кириенко, Ю. Лужкову и Г. Явлинскому. Мы объединили этих избирателей в одну группу, потому что под интересующим нас углом зрения они выглядят очень похожими. И, как ни покажется странным, при таком ракурсе они обнаруживают близость именно к жириновцам!

Это проявляется и в благожелательном отношении к налогоплательщикам налогов, и в готовности отдать голоса криминальному авторитету, и в предрасположенности к высокодоходному труду в криминальной среде. Ближе всех к ультраправым – сторонники Кириенко (терпимостью к сокрытию доходов они даже превосходят жириновцев), за ними идут приверженцы московского мэра, а избиратели лидера “Яблока” этот ряд замыкают. За криминального авторитета, к примеру, готова проголосовать половина кириенковцев, среди лужковцев таких – 42%, а среди явлинцев – 35%. Примерно такие же пропорции

обнаруживаются и в реакциях на другие интересовавшие нас вопросы. Если учесть, что большинство правых тоже люди относительно молодые и, по нынешним меркам, неплохо обеспеченные, а уровень их образования значительно выше, чем у жириновцев, а также то, что в их составе гораздо заметнее представлены жители крупных городов, сам собой напрашивается вывод, к которому мы пришли в предыдущем разделе: какие бы признаки – экономические или политические – ни использовались как группообразующие, в любом случае выясняется, что теневым соблазнам в современной России больше всего подвержена самая молодая, энергичная и благополучная часть общества независимо от того – можем мы теперь добавить, – где живут эти люди и каков уровень их образования.

Единственное, чего нельзя обнаружить у правых, так это явного предпочтения, отдаваемого патронажно-корпоративным теневым связям перед теневым индивидуализмом. Это значит, что они, в отличие от ультраправых, озабочены не столько созданием русского теневого *порядка*, сколько тем, чтобы любое упорядочивание не обернулось ограничением *свободы*, в том числе и свободы теневой деятельности. Не удивительно, что правые меньше, чем кто бы то ни было, рассчитывают на то, что лидеры, за которых они во время проведения опроса собирались голосовать, справятся с коррупцией и теневой экономикой: на Кириенко в этом отношении возлагает надежды лишь четверть его сторонников, на Лужкова и Явлинского чуть больше, но все равно меньше трети. Тут обеспокоены, похоже, не столько неупорядоченностью свободы, сколько тем, что новый порядок может оказаться реанимацией старой несвободы.

Поэтому, наверное, правые более настороженно, чем остальные, реагируют на такие слова, как “чрезвычайщина” и “диктатура”: поборников авторитарных методов борьбы с экономическим криминалом в их среде немного (14-15% среди сторонников Явлинского и Кириенко и 22% среди симпатизирующих Лужкову). Здесь не мечтают о российском Пиночете, не без

оснований опасаясь, что в отечественном исполнении борьба с противниками экономической свободы обернется бюрократическим диктатом над ее сторонниками.

Однако и к дальнейшей либерализации экономики правые относятся сдержаннее, чем можно было предположить. Да, доля “либерализаторов” в их рядах значительнее, чем в других электоральных группах российского общества (среди кириенковцев таких треть, среди лужковцев и явлинцев, соответственно, 27 и 29%). Но эти цифры не настолько выразительны, чтобы говорить о внятной и устойчивой тенденции. Возможно, правые сомневаются в том, что между смягчением законов и обузданием экономической преступности существует прямая зависимость. Но вполне возможно и другое: ведь речь, как правило, идет не о предпринимателях, а о наемных работниках, и вот для них-то, судя по всему, связь между расширением свободы бизнеса и их собственной свободой не столь очевидна, как для самих бизнесменов. Примерно такие же умонастроения мы могли наблюдать у ПРЕДпредпринимателей; наши правые в этом отношении от них почти не отличаются. Похоже, те из них, кто не принадлежит к предпринимательскому классу, рассматривают и оценивают жизнь не в координатах “*настоящее – будущее*”, а в координатах “*настоящее – прошлое*”; они хотят сохранить то, что есть, а боязнь отката к тому, что было, вытесняет из их сознания вопрос о том, к чему и как двигаться дальше, делает его отвлеченным и неактуальным.

Разумеется, в этом желании сохранить полученные свободы (включая свободу теневой деятельности) могут быть различные нюансы, и некоторые из них наш опрос обнаружил: например, кириенковцев, чья податливость на теневые соблазны почти такая же, как у жириновцев, главная проблема либерального мировоззрения (как соединить свободу с порядком) волнует, кажется, явно меньше, чем явлинцев. Первые, насколько можно судить по нашим данным, чаще склоняются к мысли, что неупорядоченная свобода – это нормально, и ее поэтому надо сохранять и расширять, а вторые острее ощущают ее си-

туативность, временность, а быть может, и ненормальность. Поэтому и их готовность пользоваться плодами такой свободы не столь впечатляюща, как у кириенковцев. Это сближает явлинцев с левыми, однако у последних, как мы попытаемся показать, мотивация скорее всего иная.

Левые

Политический союз Е. Примакова и Ю. Лужкова, заключенный ими в преддверии парламентских выборов, слабо соотносится с тем, как их тогдашние потенциальные избиратели воспринимали постсоветскую теневую реальность и как к ней приспособлялись. Мы видели, что сторонники московского мэра в данном отношении близки к сторонникам правых лидеров. Что касается симпатизирующих Примакову, то они примыкают к левым, поддерживающим Зюганова.

Это не покажется странным, если учесть, что зюгановцы и примаковцы не очень отличаются друг от друга возрастом (среди тех и других очень высок процент пожилых людей) и очень близки самооценкой своего материального положения – чрезвычайно низкой. Правда, среди примаковцев заметно выше процент жителей крупных городов (в данном отношении они примыкают к правым) и людей с высшим образованием (хотя процент этот и ниже, чем у правых). Эти различия не могли не сказаться на восприятии интересующих нас жизненных сюжетов, но взаимопротяжение избирателей двух лидеров все же несопоставимо сильнее, чем их взаимоотталкивание.

Мы предположили, что левые, в отличие от правых, унаследовали от советского прошлого прежде всего его официальные нормы (идеологические или моральные), а не теневые отклонения от них. И это предположение в значительной степени подтвердилось. В составе примаковцев и зюгановцев заметно меньше доля людей, готовых проголосовать за криминального авторитета (соответственно 30 и 32%) или непосредственно соучаствовать в теневой деятельности (18 и 25%), тогда как

у правых максимальные показатели в полтора-два раза выше. Нечто похожее наблюдается и в отношении левых к неуплате налогов. Так, самый популярный способ сокрытия доходов (получение денег в обход платежной ведомости) вызывал одобрение или понимание у 34% сторонников Зюганова и 40% сторонников Примакова, между тем как у правых совокупная численность “одобряющих” и “понимающих” порой превышает две трети.

Нетрудно заметить, однако, что и в рядах левых немало людей, от теневых соблазнов не защищенных. Это дает нам право предположить, что и те, кто такие соблазны отвергает, руководствуются не только идеологическими и моральными ограничениями, унаследованными от советской эпохи. Способность противостоять искушению обнаруживается лишь тогда, когда появляется само искушение, – об этом мы подробно говорили в предыдущей главе, анализируя взаимосвязь жизненных ценностей и экономических интересов. Между тем нынешние российские левые тем-то и отличаются от правых, что жизнь их, как правило, не искушает и искушать не может: многие из них находятся в таком возрасте (среди зюгановцев пенсионеры составляют больше половины, а среди примаковцев — около 40%), когда самим им рассчитывать на сокрытие доходов и иную теневую деятельность не приходится. Возможно, законопослушных идеалистов и этических максималистов в их среде больше, чем у правых, но нельзя исключать и того, что многие из протестующих в наши дни против постсоветской нелегалщины при советском порядке чувствовали себя комфортно именно потому, что порядок этот, наряду с официальной составляющей, имел и составляющую теневую.

Если правые делают ставку прежде всего на сохранение или расширение неупорядоченной свободы, то левые, не имея, как правило, возможностей воспользоваться ею, должны, по логике вещей, уповать на обеспечение порядка. Какой же порядок они хотели бы видеть в России и какие средства считают наиболее подходящими, чтобы его обеспечить?

Вряд ли кого-то удивит непопулярность в их глазах идеи обуздания коррупции и теневого бизнеса посредством либерализации российской экономики; идею эту поддерживали 11% зюгановцев и 17% примаковцев, что в два-три раза меньше, чем мы наблюдали у правых. В свою очередь, доля “авторитаристов”, выступающих за чрезвычайные законы и диктатуру, здесь в полтора-два раза больше, чем у правых (32% зюгановцев и 28% примаковцев). Эти цифры позволяют говорить о повышенной предрасположенности левых к реставрации диктаторского политического режима в прежней (коммунистической) или какой-то обновленной форме. Но все же такие настроения здесь не преобладают. Если “либерализаторов” среди зюгановцев и примаковцев намного меньше, чем “авторитаристов”, то “стабилизаторов”, считающих, что для обуздания криминально-теневой стихии достаточно обеспечить соблюдение действующих законов, значительно больше (по 41%).

Это значит, что морально-репрессивный тип сознания, консолидирующий левых, существует здесь в двух разновидностях – радикальной и умеренной, причем вторая разновидность проявляется рельефнее, чем первая, хотя и первая представлена в умонастроениях левых гораздо заметнее, чем у правых. Это означает также, что и лидер КПРФ, и бывший российский премьер олицетворяют в глазах многих их сторонников не столько возврат в прошлое, сколько своего рода компромисс между прошлым и настоящим. Те и другие мечтают о ликвидации разрыва между официальной нормой и теневой практикой, норма же может иметься в виду как прежняя, так и нынешняя. Однако политических фигур, персонифицирующих бескомпромиссное утверждение нынешней нормы, в постсоветской истории пока не было (Путин, повторим, ко времени нашего опроса не успел стать даже премьером). Поэтому символические образы рыцарей порядка левые скорее всего ищут и находят в советской эпохе: или в опыте чрезвычайщины, олицетворением которого является Сталин, или в андроповской попытке очищения брежневского “развитого социализма” от коррупционно-тене-

вых наростов – попытке, которая не успела захлебнуться в короткие месяцы правления Андропова и потому многими до сих пор идеализируется.

Любое административное наступление власти на коррупцию и теневую экономику, если оно начнется, в рядах левых найдется, безусловно, более сочувственный и благодарный отклик, чем у правых. Потому что это будет наступлением не столько на них, сколько на других. Воспринимают ли, однако, Зюганова и Примакова как лидеров, способных возглавить такое наступление и успешно осуществить его? На первого надежды в этом отношении возлагают 46% его сторонников, на второго – 41%. Это больше, чем у правых, но не настолько, чтобы утверждать: левые, мол, уже нашли преемников на роль Андропова и верят, что эта роль их лидерам по плечу. И вовсе не случайно, наверное, появление на политической сцене Путина очень скоро вызвало массовый отток к нему левых избирателей, как не случайно и то, что среди примиковцев перебежчиков оказалось намного больше, чем среди зюгановцев. Ведь Примаков, в отличие от Зюганова, олицетворяет компромисс между коммунистическим прошлым и посткоммунистическим настоящим в пользу настоящего, а не прошлого, за ним идут люди, большинство которых реанимация коммунизма ни в старом, ни в обновленном виде не вдохновляет. Поэтому бывшему премьеру перед выборами было гораздо труднее, чем коммунистическому лидеру, конкурировать с премьером действовавшим, сделавшим ставку на *некоммунистический* порядок и демонстрировавшим решимость в его наведении – пусть даже и в локальном чеченском масштабе.

Сторонники генеральского порядка

Вокруг фигуры Путина в первые же месяцы его премьерства консолидировались люди, истосковавшиеся по порядку и не желавшие возврата порядков коммунистических. Это была не только значительная часть левых примиковцев; своими словами

и поступками премьер привлек к себе и сторонников тех политиков-центристов, за которых во время нашего опроса готовы были голосовать и многие правые избиратели (прежде всего, бывшие сторонники Лужкова). Кроме того, к Путину перебежало и большинство приверженцев двух генералов – А. Лебедея и С. Степашина; в совокупности люди эти составили, по нашим прикидкам, не меньше четверти путинского электората. Что же они из себя представляют и каким видится им желаемый порядок – не только тот, который наводится в Чечне в ходе *военных* действий (тут все ясно, они его поддерживают), а порядок *мирный*, о котором у нас и идет речь?

Бывшие поклонники Лебедея и Степашина интересны уже тем, что видят в этих лидерах именно потенциальных борцов с коррупцией и теневым бизнесом: около двух третей первых и 59% вторых полагают, что генералы справятся с данной проблемой лучше других. Но интересны они и своим отношением к теневой деятельности, равно как и своими представлениями о способах борьбы с коррупцией и экономической преступностью.

Сторонники Лебедея демонстрируют очень высокую терпимость к сокрытию доходов – здесь они ничем не отличаются от ультраправых или от наиболее терпимой к налогонеплательщикам части правых. Правда, это не относится к уклоняющимся от уплаты налогов хозяйственным руководителям – здесь поклонники Лебедея становятся непримиримыми начальственонавистниками. Сторонники Степашина, напротив, свою нетерпимость к налогонеплательщикам заметно чаще склонны распространять и на скрывающих доходы рядовых россиян, сближаясь в данном отношении с зюгановцами, а порой и превосходя их (если среди сторонников Лебедея неуплату налогов рядовыми гражданами осуждает чуть больше четверти респондентов, то среди степашинцев — 44%).

Когда же речь заходит о прямом или косвенном соучастии в деятельности теневиков – на рабочем месте или на избирательном участке, – картина меняется с точностью до наоборот: привер-

женцы красноярского губернатора, подобно левым, путаться с криминалом, как правило, не хотят, а многие последователи отставного премьера, подобно правым, очень даже готовы. Это значит, что сторонники Лебеда согласны простить другим то, что для себя лично считают неприемлемым, а приверженцы Степашина осуждают других лишь потому, что сами последовать их примеру не имеют возможности. Чтобы не перегружать текст цифрами, приведем лишь самые выразительные. Среди бывших степашинцев желание пополнить ряды теневиков продемонстрировали 37% (больше – только у жириновцев и киреенковцев), а среди сторонников Лебеда – почти в два раза меньше. При этом о принципиальном отказе соучаствовать в криминальном бизнесе заявили больше половины вторых (самый высокий показатель), а среди первых – лишь около трети (меньше опять-таки только у жириновцев и киреенковцев).

И все же люди, ранее выбравшие из множества претендентов на президентский пост двух силовиков, имеют, при всех своих различиях, и нечто общее, что и позволило им вскоре, не меняя позиций и установок, объединиться вокруг третьего силовика в лице Путина. Их сближает уже сама противоречивость их умонастроений, свидетельствующая о повышенном житейском дискомфорте. Те и другие не склонны, похоже, оценивать жизнь в координатах “настоящее – прошлое”. В настоящем они чувствуют себя не очень уютно: по уровню доходов они мало отличаются от левых, к тому же именно в их рядах наибольший, а у сторонников Лебеда доходящий почти до четверти, процент безработных. Потому они не держатся за какие бы то ни было постсоветские ценности и не опасаются, подобно правым, отката к прежней несвободе. Но, в отличие от левых, они не видят для себя перспективы и в компромиссах с коммунистическим прошлым. Мысль о генерале у власти и генеральском порядке – это мысль о революционном разрыве с тем, что было и есть, и столь же революционном прорыве к тому, чего еще никогда не было. Правда, сам этот но-

вый порядок бывшим сторонникам Лебеда и Степашина, ставшим сторонниками Путина, видится все же не одинаково.

Степашинцы, многие из которых не прочь бы поддаются соблазнам теневого бизнеса, но которым жизнь, вопреки их желанию, таких соблазнов не предоставляет, готовы, кажется, подавлять в себе теневые искушения при условии, что и у других они будут также подавлены. Поэтому, наверное, они слабо верят в такой способ упорядочивания жизни, как либерализация, и достаточно заинтересованно относятся к чрезвычайщине и диктатуре: “либерализаторов” в их составе всего 19% (один из самых низких показателей), а “авторитаристов” – 31% (почти столько же, сколько у лидеров – зюгановцев).

Небезынтересно и то, что степашинцы обнаруживают повышенную склонность к национализму: 30% их представителей (это в полтора-два, а порой и в три раза больше, чем в других электоральных группах) полагают, что российское государство в первую очередь должно отстаивать интересы русских¹. В данном отношении сторонников генерала и бывшего премьера опережают (правда, заметно) только жириновцы. Но если в лице последних мы имеем дело с национализмом людей, неплохо приспособившихся к постсоветской коррупционно-теневой реальности, то в лице первых – с национализмом неприспособившихся и, следовательно, неудовлетворенных. Поэтому можно предположить, что перед нами не один, а два разных национализма, распространяющиеся прежде всего в провинции (в этих электоральных группах самый высокий процент жителей небольших городов). Если в случае с жириновцами речь идет о *криминальном* национализме, то у степашинцев –

¹ Эти данные получены из ответов на вопрос: “Что, на ваш взгляд, должен в первую очередь делать будущий президент России в сфере международных отношений?”. Респондент мог выбрать один из следующих вариантов ответа: “Отстаивать интересы русских”; “Защищать интересы малых народов”; “Защищать интересы всех граждан независимо от их национальности”.

о национализме *государственно-репрессивном*, тяготеющем к антикриминальной диктатуре.

Между тем поклонники Лебеда, ощущающие себя честными людьми и именно поэтому, быть может, не склонные слишком строго судить тех, кто не хочет делиться с нечестным государством честно заработанными деньгами, не воспринимают, вопреки распространенному мнению, своего кандидата как потенциального диктатора: авторитарный прорыв к антикоррупционному и антитеневому порядку готов приветствовать лишь один из каждых шести их представителей (чуть меньше – только у явлинцев и кириенковцев). Похоже, они вообще очень плохо представляют себе, чего же именно хотят и ждут от “крутого” генерала: каждый третий его сторонник затруднился ответить на вопрос о предпочтительных способах борьбы с коррупцией и теневой экономикой, что в два-три раза больше, чем в других рассмотренных нами группах. Надо полагать, желание отодвинуть от себя теневые соблазны при готовности мириться с реальной теневой практикой себе подобных, соединить терпимость к греху и даже его оправдание с девственной моральной непорочностью не может воплотиться во что-то другое, кроме мечты о чудо-прыжке из царства хаоса в царство порядка и, соответственно, о чудо-вожде, которому одному только ведомо, куда и зачем прыгать и который своей чудо-осведомленностью злоупотреблять не станет.

Таковы два представления о генеральском порядке, обнаруженные нами в сознании россиян. Впоследствии они соединились, замкнувшись на фигуре бывшего чекиста, ставшего премьер-министром, а потом и президентом. Насколько же прочно это соединение и насколько сочетаемо оно с образами порядка, сложившимися в головах переметнувшихся к Путину примаковцев и лужковцев (а эти образы, напомним, тоже не одинаковые), а также кириенковцев и части жириновцев? Это и есть, быть может, главный вопрос послеельцинской эпохи, и он пока остается открытым.

На перепутье (вместо заключения или вместо начала)

Информация о настроениях населения, полученная нами до выборов, позволяет, зная их результаты, точнее оценить послевыборное состояние массового сознания. В марте 2000 года страна размежевалась по своим политическим предпочтениям на два основных сегмента; люди, входившие в первый из них, отдали свои голоса Путину, а входившие во второй – Зюганову. Те и другие голосовали за упорядочивание развороченной и криминализованной в годы ельцинского правления российской жизни, но при этом сам порядок понимался по-разному: у одних он ассоциировался с коммунистическим прошлым (быть может, обновленным), у других – с улучшенным настоящим. Однако суть размежевания к идеологическим различиям вовсе не сводится, о чем и свидетельствуют полученные нами данные. За результатами голосования обнаруживается гораздо более сложная картина – не двух отделенных друг от друга сегментов, а взаимопересекающихся ментальных кругов.

Мы видели, что в среде левых избирателей, отдавших свои голоса Зюганову, доминирует морально-репрессивный тип сознания в его радикальной (карательно-диктаторской) или более умеренной разновидности. Вопрос о сочетании порядка с экономической свободой здесь, как правило, не встает и не проблематизируется. Но ведь люди с такой ментальностью составляют и значительную, если не преобладающую, часть сборного некоммунистического электората Путина – прежде всего мы имеем в виду отошедших к нему левых примаковцев и уповающих на генеральский порядок бывших сторонников Степашина. Вместе с тем Путина поддержали и многие правые избиратели, ставящие во главу угла не порядок, ассоциирующийся у них с репрессивным прошлым, а свободу, в том числе и теневой экономической деятельности. Все это, взятое в совокупности, создает весьма своеобразную ситуацию во взаимоотношениях власти и общества, когда большинство второго,

включая его коммунистическую часть, ждет от первой административно-полицейского наступления на коррупцию и теневой бизнес, а меньшинство или опасается такого наступления, или полагает, что оно его интересов не затронет, или надеется, что оно будет осуществляться не карательными, а экономико-правовыми способами, расширяющими пространство легальной свободы.

Начавшееся при новом президенте радикальное реформирование налогового законодательства свидетельствует о том, что экономико-правовые меры признаны приоритетными. Однако это не снимает с исторической повестки дня вопрос о соответствии действий властей ожиданиям общественного большинства, в котором преобладает морально-репрессивный, доправовой тип сознания. По данным некоторых опросов, плоская шкала налогообложения, уравнивающая налогоплательщиков независимо от их доходов, вызвала в этом большинстве неодобрение еще до того, как новый закон начал действовать. В коррупционно-теневом обществе, где доминируют люди левой и “генеральской” ориентации со свойственными им полицейскими установками, власти, какой бы она ни была, очень трудно устоять перед господствующими настроениями. Но если эти настроения таковы, как в современной России, то любые попытки опереться на них в борьбе с коррупцией и теневой экономикой будут равнозначны неоднократно испробованному страной движению в исторический тупик – разумеется, при исходном желании сделать как лучше.

Левые и “генеральские” избиратели ориентируются или на обновленный “развитой социализм”, или на бюрократический капитализм, но – не в нынешнем его виде, а в упорядоченном с помощью чрезвычайных законов и диктатуры либо посредством жесткого контроля за соблюдением действующих юридических норм. Однако ни “развитой социализм”, ни сменивший его бюрократический капитализм очистить от коррупции и прочего криминала невозможно; до тех пор, пока государство сращено с бизнесом, наступление на теневую экономику

будет наступлением на собственную тень – в буквальном, а не переносном смысле слова.

Российское общество, включая значительную часть правых, эту простую истину все еще не осознало. Поэтому и среди правых тон пока задают “стабилизаторы”, уповающие на то, что соблюдение действующих сегодня законодательных норм можно обеспечить – достаточно лишь сильно захотеть. А раз так, то не исключено, что нам придется все же присутствовать при попытке бюрократического капитализма выскочить из собственной кожи (или из собственной тени). Возможно, это выразится в очередной кампании против крупного (и не очень крупного) частного капитала, которая будет вестись под патронажем бюрократии, в нынешнем ее состоянии подходящей на роль правового субъекта еще меньше, чем третируемые ею “олигархи”. Поэтому вряд ли такая попытка станет более успешной, чем андроповские опыты очищения “развитого социализма”. Она приведет лишь к тому, что коррупционеры и теневики станут изощреннее и на первые роли выдвнутся те из них, кто или способен работать в зоне больших рисков, или, напротив, сумеет обеспечить себе надежную политическую “крышу”. Соответственно, возрастут и ставки: и страхование риска, и политическое прикрытие – вещи дорогостоящие. Что касается наших “правых из народа”, то их теневые соблазны будут подавлены без какой-либо легальной компенсации. И тогда, быть может, “либерализаторов” в их рядах станет больше, чем сейчас, хотя и теперь процент их здесь выше, чем в других электоральных сегментах российского общества.

Наступление на коррупцию и теневой бизнес в современной России может быть успешным только в том случае, если оно будет вестись одновременно на двух стратегических направлениях. Во-первых (и это главное), бизнес как деятельность частных лиц должен последовательно и целенаправленно отделяться от государства, предназначенного для выполнения общих функций; в противном случае государственная служба как была, так и останется объектом постоянной теневой при-

ватизации или, попросту говоря, коррупции. Во-вторых, очищение власти от коррупционеров не должно быть самоцелью, а должно способствовать приведению государства в соответствие с его особым предназначением выразителя и защитника того, что со времен Платона и Аристотеля зовется общим благом. Именно выразителя и защитника, а не привилегированного торговца общественными благами и конституционными правами. Не будет этого – не будет и готовности граждан содержать власть, не будет добросовестных налогоплательщиков, а будет то, что мы наблюдаем сегодня и что наш опрос зафиксировал – в первом приближении – в количественных показателях.

Чтобы привыкнуть к совершенно новому для россиян положению людей, содержащих на свои средства государство в обмен на услуги, которые оно им предоставляет, надо, чтобы были сами услуги, и желательно высокого качества. Если их нет или их качество сомнительно, то делиться с властью своими доходами захотят лишь те, кому делиться нечем, имея в виду не себя, а других. Остальные предпочтут власть обманывать, оправдывая себя тем, что она, власть, и есть главный обманщик, вести с которым честную игру могут лишь дураки. Не принимая всего этого в расчет, борьбу с коррупцией и теневым бизнесом начинать бессмысленно. Можно, конечно, попробовать лечить бюрократический капитализм бюрократическими или авторитарно-бюрократическими методами. Но единственным позитивным результатом такой пробы станет негативный опыт, который, не исключено, поможет обществу изжить, наконец, иллюзии доправового морально-репрессивного сознания и понять, что природу вещей перехитрить нельзя.